

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Творительный падеж существительных сквозь призму адвербиализации и прономинализации // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71472
EDN: YHXXBS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71472

Творительный падеж существительных сквозь призму адвербиализации и прономинализации

Шигуров Виктор Васильевич

ORCID: 0000-0002-0765-0482

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

✉ shigurov@mail.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна

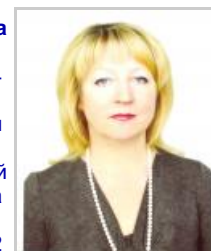
ORCID: 0000-0002-4898-6484

доктор культурологии

профессор; кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71472

EDN:

YHXXBS

Дата направления статьи в редакцию:

13-08-2024

Аннотация: Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования зон пересечения транспозиционных процессов в системе частей речи русского языка, демонстрирующих широкий спектр переходных явлений периферийного и гибридного типа. Синкретичные структуры, образующиеся в результате взаимодействия трех и

четырёх частей речи и семантико-синтаксических разрядов предикативов и вводно-модальных единиц, обеспечивают возможность лаконичной, но семантически емкой передачи информации. Новизна исследования связана с тем, что в нем впервые предпринимается попытка выявления связей между этапами и пределом адвербиальной и прономинальной транспозиции языковых единиц на материале взаимодействующих существительных, наречий и местоимений. Целью исследования является комплексный анализ механизма ступенчатой транспозиции форм творительного падежа существительных в разряды определительно-количественных и обстоятельственно-пространственных наречий, а также в разряды неопределённых местоимений, соотносительных с числительными и наречиями. Объект анализа – субстантивные словоформы, вовлеченные в процессы адвербиальной и прономинальной транспозиции, предмет рассмотрения – этапы и признаки функциональной и функционально-семантической адвербиализации и прономинализации. Материалом для исследования послужили контексты употребления словоформ из Национального корпуса русского языка и собственные примеры авторов статьи, демонстрирующие разные стадии адвербиализации и прономинализации. Для достижения поставленных задач применялись такие методы исследования, как структурно-семантический и лексикографический анализ, оппозиционный метод, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа, лингвистический эксперимент. В результате исследования установлено, что ряд субстантивных словоформ в русском языке оказываются вовлеченными в такие транспозиционные процессы, как адвербиализация и прономинализация. Выявлено, что степень адвербиальной и прономинальной транспозиции у них неодинакова. Словоформы типа «навалом», «местами» подвержены собственно грамматической (функциональной) адвербиализации, протекающей в семантической зоне исходных лексем, а словоформы типа «порядком» подверглись функционально-семантической адвербиализации, нарушающей смысловое тождество исходных лексем. Выявлено, что грамматический или лексико-грамматический тип адвербиализации существительных может быть сопряжен с начальной или конечной стадиями их прономинальной транспозиции. Определены контексты, демонстрирующие разные стадии адвербиализации и прономинализации форм творительного падежа существительных. Представленные наблюдения могут послужить основой для дальнейшей разработки проблем совмещения разных типов транспозиции единиц в системе частей речи русского языка.

Ключевые слова:

русский язык, транспозиционная грамматика, адвербиализация, прономинализация, существительное, наречие, местоимение, зона периферии, ядро, периферия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

1. Вводные замечания

В современном русском языке широкое распространение получили слова и словоформы, предназначенных для экономной передачи емкой и разноаспектной информации [\[6; 9, с. 380-390; 14\]](#). Появление таких единиц во многом обусловлено действием механизма транспозиции языковых единиц в области частей речи и семантико-синтаксических

разрядов предикативов и вводно-модальных слов и выражений. В связи с этим весьма актуальным для теоретической грамматики является исследование природы и функционирования механизма частеречной транспозиции. Изучение этого механизма позволяет глубже осмыслить многие вопросы, связанные с взаимодействием грамматики и лексики в синкретичных структурах на разных стадиях субстантивации, адъективации, адвербиализации, препозиционализации и т.п. (см., напр.: [1; 3; 5; 19, с. 313-350]). В результате ступенчатых транспозиций языковых единиц формируются периферийные и гибридные образования, совмещающие в той или иной пропорции и комбинаторике признаки взаимодействующих классов слов (см., напр.: [15, с. 434-439]). А.М. Пешковский писал: «...Как человек может быть одновременно и умным, и блондином, так и слово может быть одновременно и прилагательным, и местоимением («такой»), и глаголом, и числительным («утраиваю»), и прилагательным, и предметным словом («каменный»), и существительным, и качественным словом («белизна») и т. д.» [16, с. 47-48]. Осмысление синкретичных структур такого типа по принципу «или... или» невозможно: здесь есть и то, и другое, но в разной пропорции. Ситуацию осложняет то обстоятельство, что слово может оказаться в зоне одновременного взаимодействия, не двух, а трех и даже четырех классов и безлично-предикативных и вводно-модальных семантико-синтаксических разрядов, что позволяет говорить о пересечении транспозиционных процессов предикативации, адвербиализации, интеръективации и др. (см., напр.: [22, с. 34-43; 23, с. 23-34]). Вопрос о пересечении процессов адвербиализации и прономинализации форм творительного падежа существительных относится к числу вопросов, почти не затронутых в русской грамматике, что делает актуальным предпринятое нами исследование. Новизну подхода определяет использование методики оппозиционного анализа, позволяющей выявить разные стадии и признаки адвербиальной и прономинальной транспозиции субстантивных словоформ. Цель работы – комплексное исследование основных линий и глубины взаимодействия транспозиционных процессов адвербиализации и прономинализации беспредложных форм творительного падежа существительных. Объект анализа – словоформы, в той или иной степени подвергшиеся транспозиции в наречия и местоимения-числительные. Предмет рассмотрения – стадии, признаки и предел их адвербиализации и прономинализации. Материал исследования – типовые контексты употребления существительных, подвергшихся в той или иной мере адвербиальной и прономинальной транспозиции, из «Национального корпуса русского языка» (далее: [НКРЯ]) [12]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>, а также собственные примеры авторов статьи. Для решения поставленных в работе задач использовались такие методы исследования, как структурно-семантический и лексикографический анализ, оппозиционный метод, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа, лингвистический эксперимент. Методологическую основу исследования составили работы отечественных и западных авторов по разным аспектам теории транспозиции, конверсии, деривации, трансформации (см., напр.: [2; 8, с. 5-11; 10, с. 9-25; 18; 20, с. 25-38; 26, с. 13-26; 27; 28]). Учитывался также исследовательский опыт в данной области и авторов статьи (см., напр.: [25, с. 5072-5976; 29, с. 177-191]).

2. Результаты исследования и обсуждение

В результате исследования адвербиализации форм творительного падежа существительных без предлогов в класс наречий установлено, что данный тип транспозиции может пересекаться с прономинализацией и модалацией. В итоге образуются особые гибридные структуры, находящихся в зоне влияния разных частей

речи (существительное, наречие, местоимение) и межчастеречного семантико-синтаксического разряда вводно-модальных единиц. Ср., например, местоименно-числительный (1) и вводно-модальный типы употребления (2) адвербиализованных форм творительного падежа существительных:

(1) Народу было **порядком** ($\approx$ 'много');

(2) Вы, **часом**, не художник? ($\approx$ 'случайно').

В настоящей статье речь пойдет о совмещении процессов адвербиализации и прономинализации, в которые оказываются вовлеченными словоформы на -ом / -ами типа *навалом*, *битком*, *порядком*; *местами*.

Адвербиализация указанных словоформ может иметь двоякую природу. Во-первых, это может быть чисто грамматический (функциональный) тип транспозиции языковых единиц в наречия, протекающий в пределах исходных субстантивных лексем (*навалом*, *местами*). Во-вторых, такая адвербиализация, будучи функционально-семантический, способна приводить к нарушению тождества субстантивных лексем и образованию на базе форм творительного падежа единственного числа (*битком*, *порядком*) новых, адвербиальных единиц языка. В результате адвербиализации субстантивных словоформ *навалом*, *битком*, *порядком* образовались количественные наречия меры и степени, а в результате адвербиализации субстантивной словоформы *местами* – пространственное наречие, используемое для локализации местоположения предмета. Ср., например, контексты употребления частеречных омонимов – существительного *порядком* (3) и наречия *порядком* (4):

(3) Вероятно, и Пальчиков ему пригождался для этого – чтобы сказали: смотрите, я могу думать не только о работе, не только о прибыли, но и о человеке. Я могу ради человека пренебрегать **порядком**. Я могу ради человека уступать [А. Бузулукский. Пальчиков // «Волга», 2014][НКРЯ];

(4) Похоже, Шувалову уже **порядком** поднадоела эта история длиной почти в три года [А. Лабыкин. Монопольный форсаж // «Эксперт», 2014] [НКРЯ].

С учетом пересечения процессов адвербиализации и прономинализации в структуре словоформ типа *навалом*, *битком*, *порядком* можно выделить три типовых контекста их употребления. В этом плане показательно, например, сравнить типы употребления словоформы *навалом*.

Во-первых, это контексты собственно субстантивного употребления *навалом*:

(5) За высоким **навалом** декораций, в окошке под потолком, ворочалась, черно запечатывая всё, тяжелая тень [В. Шапко. Бич // «Волга», 2011] [НКРЯ]; К чести душевной трезвости о, Кириллы, он недолго задержал сына на горней высоте, куда того вознесло тайное родительское честолюбие, тлеющее под душным **навалом** нужды и разочарований [Ю. Нагибин. Беглец (1977)] [НКРЯ]; Маня ложилась спать рано, по-крестьянски, но в этот раз она долго стояла за **навалом** бревен недалеко от клуба... [П. Проскурин. Судьба. Книга первая. Адамов корень (1993)] [НКРЯ]; Я не заметил, когда и как очутился под **навалом** бревен, переброшенных через канаву [К. Воробьев. Друг мой Момич (1965)] [НКРЯ]; На базаре рядом с рундуками, обитыми цинком, рядом с **навалом** камбалы и розовой султанки плескались мелкие волны и поскрипывали бортами шаланды [К. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность (1954)] [НКРЯ].

Во-вторых, это контексты собственно адвербиального употребления *навалом* со

значением 'беспорядочной кучей' в функции присубстантивного атрибута или обстоятельства образа действия (иногда с оттенком меры и степени) при глаголах типа *грузить, нагрузить, лежать, валяться* для обозначения действия, связанного с множеством предметов. Само слово *навал* образовано способом нулевой суффиксации от кумулятивного глагола *навалить*, обозначающего достижение итогового значительного количества результатов, объектов при многократном осуществлении действия. Например:

(6) *Ребята возмущались малым наличием мешков: в них бы отправлять картошку в город, в них, а не громоздить ее кучами для погрузки навалом, чтобы гибла в пути* [А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998] [НКРЯ]; *Письма разлетались. Их сгребали в кучу, грузили навалом. Десятки тысяч писем* [В. Катаев. Время, вперед! (1931-1932)] [НКРЯ]; *Ребята возмущались малым наличием мешков: в них бы отправлять картошку в город, в них, а не громоздить ее кучами для погрузки навалом, чтобы гибла в пути* [А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998] [НКРЯ]; *Выбило и рамы, выбросило фикусы, кастрюли, аквариумы – все это навалом валялось по всему двору, и все хрустело и звенело под ногами* [Ю. Казаков. Из повести «Две ночи» («Разлучение душ») (1960-1970)] [НКРЯ]; *Рядом навалом, горой, лежали тюки с конфискатом* [Грэй Ф. Грин. Кетополис – Киты и броненосцы (2001)] [НКРЯ].

В-третьих, это контексты местоименно-числительного употребления адвербиализованной субстантивной словоформы *навалом* в синкретичной функции предиката-обстоятельства меры и степени или обстоятельства меры и степени (при глагольных предикатах со значением наличия, появления чего-либо типа *иметься, появляться*). Таковы разговорные конструкции с родительным падежом имени, обозначающие неопределенно-большое количество объектов, типа *Каких-то предметов навалом, т.е. очень много*:

(7) *Рассказ можно написать о чем угодно. Сюжетов навалом. Возьмем любую профессию* [С. Довлатов. Заповедник (1983)] [НКРЯ]; *На Нижнем Амуре, где осетров и калуги навалом, в каждой деревушке давным-давно существовали подпольные цеха, они готовили отменную икру...* [Л. Наумова. Последняя книга писателя // «Дальний Восток», 2019] [НКРЯ]; *Старое советское выбрасывали, покупали все импортное... «Челноки» тут же всего навезли: чайники, телефоны, мебель... холодильники... Откуда-то всего появилось навалом* [С. Алексеевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013] [НКРЯ].

В контекстах типа (7) наблюдается пересечение адвербиальной и прономинальной транспозиции в структуре словоформы *навалом*. Однако степень ее адвербиализации и прономинализации неодинакова. Если переход существительного *навал* в форме творительного падежа (*навалом*) в количественное наречие можно считать завершенным (в пределах исходной субстантивной лексемы), то переход этой же адвербиализованной словоформы в разряд местоимений-числительных представлен лишь начальной стадией, в связи с чем возникает особый тип гибридных образований. Ядерное отсубстантивное наречие *порядком* также обнаруживает лишь некоторое движение, или, иными словами, делает первый шаг по направлению к неопределенным местоимениям-числительным типа (*новых книг*) *несколько*.

Схожую ситуацию можно наблюдать с субстантивными словоформами *капельку* и *крошечку*, также подвергшимися процессам «завершенной» адвербиализации (правда, в отличие от *навалом*, нарушающей тождество исходных лексем – *капелька* и *крошечка*) и «начальной» прономинализации. Ср. контексты собственно субстантивного (8), адвербиального (9) и адвербиально-прономинального употребления словоформы *капельку* (10):

(8) *Его мраморно-белые лепестки выгнулись, и в середине цветка появилась жёлто-золотая чаша, на дне которой, на голубых мягких тычинках, лежало маленькое красное зёрнышко, похожее на **капельку** крови* [А. Милорадов. Маленькая Божья Птичка // «Наука и религия», 2010] [НКРЯ];

(9) *Ежели бы он был **капельку** лучше, он не стал бы заводить роман на стороне* [Т. Тренина. Никогда не говори «навсегда» (2004)] [НКРЯ];

(10) *Почтенная публика, **капельку** терпения! Сейчас на ваших глазах произойдёт чудо!* [Д. Колодан, Карина Шаинян. Затмение (2007)] [НКРЯ].

Что касается транспозиционного процесса адвербиализации словоформы *навалом*, то она представлена в типовых контекстах четырьмя этапами (стадиями): а) стадией ядерных существительных в функции объектного дополнения (11); б) стадией периферийных существительных в функции обстоятельства образа или способа действия с возможным оттенком меры и степени, употребляемых с адъективными и / или субстантивными распространителями (12); в) стадией промежуточных субстантивно-адвербиальных образований, употребляемых без зависимых слов в синкретичной функции дополнения и обстоятельства способа действия (13) и г) стадией одиночно употребляемых периферийных наречий, не нарушающих смыслового тождества исходной субстантивной лексемы в функции несогласованного определения и обстоятельства образа или способа действия (с возможным оттенком меры и степени) (14):

(11) *Пассажиры были сильно напуганы огромным **навалом** сползшего снега;*

(12) *Кости лежали **сплошным навалом**. Сверху они были черные от карболки, но когда их ворошили, они становились белыми, желтыми, кремовыми* [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)] [НКРЯ]; *Буквально друг на друге, **сплошным навалом** искореженные танки, орудия, бронетранспортеры, автомобили* [К. Ваншенкин. Рассказ о потерянном фотоальбоме (1973)] [НКРЯ];

(13) *Он испугался погибнуть в больших теплых руках деревни, задохнуться в овчинном воздухе смирных людей, побеждающих врага не яростью, а **навалом*** [А. Платонов. Чевенгур (1929)] [НКРЯ];

(14) *Зачем-то открыл шкафчик под телевизором. Там **навалом** лежали видеокассеты* [О. Дивов. Молодые и сильные выживут (1998)] [НКРЯ]; *Мы часто большинством двора выезжали на природу, и женщина Нонна везла нас **навалом** в своей машине, а сзади в такси следовал Циркачев со своей компанией и с девочкой Веточкой* [Б. Вахтин. Три повести с тремя эпилогами / Летчик Тютчев, испытатель (1959-1964)] [НКРЯ]; *Стволы **навалом**, один на одном, толстые, тяжелые, забуревшие от времени, и вскинутые вверх в судорогах костлявые ветви...* [В. Тендряков. Находка (1965)] [НКРЯ]; *При свете луны я увидел, что вся она до верха бортов была загружена прямо **навалом**, как дрова, свежей рыбой* [С. Голицын. Записки беспогонника (1946-1976)] [НКРЯ]; *Пускай из корзины торчат **навалом** краснаголовые подосиновики, белые, рыжики* [И. Евдокимов. Левитан (1940)] [НКРЯ]; *Четвертая спичка пояснила Векшину обилие бумаги в сундучке, чистой и порченной, этих небрежно исчерканных листков, втиснутых туда **навалом**, как сгреблось со стола* [Л. Леонов. Вор. Часть 3 (1927|1959)] [НКРЯ]; *Дай руку и ведай: не я на тебя **навалом** пошел* [А. Чапыгин. Разин Степан (1927)] [НКРЯ].

Процессы адвербиализации и прономинализации словоформ типа *навалом*, протекающие в семантической зоне исходной лексемы *навал*, сопряжены, с одной стороны, с поэтапным (на разных стадиях адвербиализации) ослаблением и утратой признаков

существительных, а с другой стороны, с приобретением признаков наречий и – при местоименно-числительном употреблении – местоимений-числительных.

В результате собственно грамматической адвербиализации на стадии периферийных наречий (типовой контекст: *Вещи **навалом** валялись по всему двору*) словоформа *навалом* утратила основные категориальные признаки существительных – общеграмматическую семантику предмета; категории рода, числа и падежа; изменяемость по числам и падежам; функцию дополнения, сочетаемость с распространителями адъективного и субстантивного типа, разрядовые значения нарицательных, неодушевленных и абстрактных существительных, категориальный статус флексии у морфемы *-ом*. С другой стороны, у этой же словоформы появились частеречные признаки наречия: категориальная семантика признака признака, неизменяемость, первичная функция обстоятельства (образа или способа действия с возможным оттенком меры и степени); примыкание как способ присловной подчинительной связи с главным компонентом словосочетания.

В типовых контекстах вроде *Вещей было **навалом*** адвербиализованная словоформа *навалом* в местоименно-числительной функции представляет первую стадию прономинализации, что проявляется в появлении у нее категориального значения местоимения-числительного, а именно семантики указания на неопределенное множество предметов; сочетаемость с управляемой формой родительного падежа существительного, обозначающего «считаемые» предметы (*Книг – навалом; Навалом книг еще было в машине*); функция главного компонента синтаксически нечленимого словосочетания, выступающего в функции подлежащего или дополнения (*Навалом книг осталось дома*) или в предикативно-обстоятельственной функции (*Книг – навалом*). Ср. типичное местоимение-числительное: *Новых сапог – **несколько**; **Несколько** книг лежало на подоконнике*. В отличие от местоимения-числительного *несколько*, адвербиализованная словоформа *навалом* в местоименно-числительном употреблении не склоняется и не связывается синтаксически с зависимым существительным способом согласования в формах падежа и числа; ср.: *несколько книг* (управление формами родительного падежа множественного числа) и *несколькими книгами* (согласование в формах творительного падежа и множественного числа). Нет у нее и способности указывать на неопределенное множество чего-либо безотносительно к ситуативной норме; ср.: *Книг было несколько* и *Книг было навалом, т.е. больше некоей нормы*. Отличается *навалом* от *несколько* также отсутствием флексий в морфемной структуре слова.

Для образования *порядком* также характерны субстантивный (15), адвербиальный (16) и адвербиально-местоименно-числительный (17) типы употребления; ср.:

(15) *Водоем был типа водохранилища. Любовались природой и немецким **порядком*** [С. Носов. *Грачи улетели* (2005)] [НКРЯ]; *Прежние писатели относились к лицам с особым вниманием, взять хоть Достоевского: скупой и точный штрих – и, кажется, образ готов. Современные этим **порядком** пренебрегают* [Е. Чижова. *Лавра* // «Звезда», 2002] [НКРЯ];

(16) *Прорезая крошечную ночь робким светом ручных фонарей, до полночи ходила бригада берегом горной реки, тайно надеясь увидеть воскресшего чудом Степана, и когда у людей не осталось на поиск физических сил, то они, молча поев у тлевого жарко костра **порядком** уже опостылевшей всем жирной баночной каши, всласть подымив в ночь вонючую, едкой «Примой», разбрелись отдыхать по двускатным армейским палаткам* [Л. Сермягин. *Таймень* // «Дальний Восток», 2019] [НКРЯ]; *Рассветы,*

закаты, дым костров, девчонка, впервые попавшая на «Гамлета», – все это ему **порядком** надоело, все это было не то, не то, не то [Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)] [НКРЯ]; Конечно, его прекрасно знали везде, и в последний раз, когда его видели, он был **порядком**-таки навеселе [М. Пришвин. Серая сова (1938)] [НКРЯ]; Вдруг в Клину ввалился толстый-претолстый купчина, **порядком** выпивши [Вл. А. Гиляровский. Трущобные люди / Колесов (1887)] [НКРЯ];

(17) Приемная была невелика, а художников набралось **порядком**, но они были существами нематериальными, и поэтому на одном квадратном метре их могло уместиться бесконечно большое количество: ангелы входили друг в друга [В. Ревич. Штурмовая неделя // «Химия и жизнь», 1965] [НКРЯ]; Пошли сразу к Ильменям, а там народу **порядком** набилось, и все хита самая последняя [П. Бажов. Солнечный камень (1941)] [НКРЯ].

Однако, в отличие от *навалом*, субстантивная словоформа *порядком* преобразуется не в периферийное, а в ядерное наречие, которое функционирует за пределами семантической зоны исходной субстантивной лексики *порядок* (см. также: [\[13, с. 108\]](#)).

Ср. лексические и грамматические омонимы в предложениях:

(18) Но все в этой единственной просторной комнате приятно поражало чистотой и **порядком** [В. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)] [НКРЯ] (существительное);

(19) Солнце **порядком** пригревало, когда я закончил разработку этюда, впоследствии послужившего основанием для картины, и отодвинул мольберт, чтобы бросить последний взгляд на озеро [И. Ефремов. Озеро горных духов (1942-1943)] [НКРЯ] (отсубстантивное наречие).

Местоименно-числительный тип употребления адвербиализованного существительного *порядком* встречается в пре- и постпозиции по отношению к управляемому родительному падежу имени, обозначающему неопределенно-считаемые объекты; ср.:

(20) **Золотишка-то** у них с Пантелеем **порядком** было [П. Бажов. Змеиный след (1939)] [НКРЯ]; А при казенных заводах в ту пору **немцев** **порядком** сидело [П. Бажов. Про главного вора. Сказ дегтярского горняка (1941)] [НКРЯ];

(21) Хрипушин с бычьей яростью, в которой было, однако, и **порядком** **неуверенности**... – тот итог, к которому пришла вся его путаная и нелепая жизнь [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)] [НКРЯ]; В столовой было еще **порядком** **народу**, но все разбрелись и кто где. [Ю. Домбровский. Рождение мыши (1951-1956)] [НКРЯ].

Наречие *битком* генетически связано с творительным падежом существительного, не употребляющегося уже в современном русском языке. Поэтому ему присущи два типа употребления – собственно адвербиальный и местоименно-числительный.

При собственно адвербиальном употреблении *битком* реализует значение 'очень плотно, тесно':

(22) Холодным вьюжным вечером после утомительного перехода полк остановился здесь отдохнуть и хоть как-то обогреться. Бойцы **битком** **набились** в уцелевшие избы [В. Тыцких. Через три войны // «Дальний Восток», 2019] [НКРЯ]; А он снимает фильмы, на премьерах **залы битком**, поздравления, хвалебные статьи [А. Найман. Колыбель (2012) // «Октябрь», 2013] [НКРЯ]; В Новом Летнем театре с неслыханным успехом идут гастроли

Ф. Шалапина. Зал всегда **набит битком**. Певец поражает слушателей мощью голоса и артистизмом [В. Аксенов. Любовь к электричеству (1969)] [НКРЯ];

В местоименно-числительной функции наречие **битком** указывает на неопределенно-большое количество предметов 'очень много, уйма':

(23) *Итак, на каждом этаже – полутораметровой ширины коридор, а по обе стороны – выходящие в этот коридор, протянувшиеся вдоль своих коек комнаты, а в комнатах **людей, детей и пожитков – битком*** [А. Эппель. Бутерброды с красной икрой (1990-2000)] [НКРЯ]; *Дело происходило в Академии имени Можайского, **народа** было **битком*** [М. Зайчик. В нашем регионе // «Звезда», 2002]; *Когда Ценциппер пришел в Африку, в зале было уже **битком** народу* [Ю. Буйда. Город палачей // «Знамя», 2003] [НКРЯ]; *Купил я билет, захожу в зал, а там людей **битком**, все места заняты* [Ф. Кривин. Район деревни Старокопытовки (1985)] [НКРЯ].

Адвербиализованные формы творительного падежа существительных *навалом, битком, порядком* в местоименно-числительном употреблении (24) функционально сближаются со словами разных частей речи, употребляемыми для обозначения неопределенного множества предметов, а именно с существительными (*море, океан, бездна, пропасть, туча*) (25), прилагательными (*полно*) (26), числительными (*десять, сто, тысяча, миллион*) (27), наречиями (*много, мало, немного*) (28), глаголами (*завались, хватит / хватает*) (29) (см. о них, напр.: [\[24, с. 32-138\]](#)). Например:

(24) *А вот когда мне было двадцать лет, говорит бабушка, помню, ехали мы в поезде, **народу битком** и пришлось всю дорогу стоять* [М. Палей. Поминование (1987)] [НКРЯ]; *Тут было **порядком** незнакомых лиц – должно быть, многие гости прибыли из Москвы, – но встретила и пара известных физиономий: художник Чугунов и фотограф Калюкин* [П. Крусанов. Мешок света // «Октябрь», 2013] [НКРЯ]; *Дурневы больше не доставляли Тане никаких неприятностей – у них и своих проблем было теперь **навалом*** [Д. Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002)] [НКРЯ];

(25) *Пой, пой еще, Мейран. Браги еще – **океан**. И ты видишь: я – твой Степан – делаюсь садом твоим апельсиновым, расцветающим в Персии* [В. Каменский. Степан Разин (1928)] [НКРЯ]; *Здесь сливалась волна, идущая из 4-го корпуса, с нашей волной. **Туча** людей ждала поезда. Поезд пришел* [В. Шкловский. Сентиментальное путешествие (1923)]; *Да вот жалко, что вас не было; гостей было **пропасть**, человек тысяча, музыка, генералы, и я танцевал...* [Л. Н. Толстой. Отрочество (1854)] [НКРЯ];

(26) *На площадке возле станции, как всегда вечером, **полно** молодых ребят* [В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961] [НКРЯ]; *«Да, дорога трудная, – сказал Андреев. – И посадка трудная, вокзала нет, поезда с Кавказа мимо нас транзитом на Балашов едут, народу в них **полно**, военные, военные»* [В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)] [НКРЯ];

(27) *«Машина тут совсем ни при чем. – **сто** раз повторяла, – купи новые стулья. На прошлой неделе сам ведь чуть не свалился»* [А. Геласимов. Ты можешь (2001)] [НКРЯ]; ***Миллион** раз видела по телику фонтан, но «живьем» – это нечто!* [А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019] [НКРЯ];

(28) *Тут **много** молодых, лет до тридцати, коротко знакомых* [В. Распутин. Новая профессия (1998)] [НКРЯ]; *Гостей **немного**, это, как всегда, ответственные за что-то, что-то достраивающие в избранном ритуале* [В. Распутин. Новая профессия (1998)] [НКРЯ];

(29) *Живут чисто, все блестит, ковры везде, а еды-то всякой **завались**.* [Ф. Абрамов. Дом (1973-1978)] [НКРЯ]; *Денег у Гусейновых **хватит** на детей, внуков и еще на четыре поколения в глубину* [В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002] [НКРЯ].

Для сравнения приведем соотносительные с ними словоформы разной частеречной отнесенности – существительное (30), прилагательное (31), числительное (32), наречие (33), глагол (34), но не подверженные транспозиционному процессу прономинализации:

(30) *Впереди пенистый прибой разбивался о рифы и бурлил вокруг камней, вокруг, сколько мог охватить глаз, расстился сизый, белесый, призрачно серебристый, далекий и в этой немыслимой дали уже не отличимый от неба **океан**: горизонта более не существовало* [Б. Хазанов. Корсар (2000)] [НКРЯ];

(31) *Рынок большой. Квартир **полно**. Покупателей навалом* [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001] [НКРЯ];

(32) *Однажды днем зашла соседка, старуха Кузнецова, и попросила в долг **сто** рублей, заплатить молочнице* [Т. Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002] [НКРЯ];

(33) *Дима не умеет читать мыслей, но чувствует их, поэтому, хотя и не сказала Эльвира ни слова на протяжении всего пути, ему кажется, что они **много** и хорошо говорили, он ведь, как и она, беспрерывно менял мысли, хотя и не понимал, о чем думает, свое дыхание он тоже ведь чувствует – и не только дыхание, он с точностью до удара в минуту знает всегда, какое у него сердцебиение, он видит, какими становятся его глаза от того, на синее он смотрит, на желтое или вообще на коричневое, – и понимает, что эта сверхчувствительность самоощущения, приятная сейчас, может стать для него источником многих тягостных переживаний в старости, – но старость далеко – или, скорее всего, – никогда* [А. Слаповский. Гибель гитариста (1994-1995)] [НКРЯ];

(34) *«Вот тут и поторгуй! Жизнь пошла, так ее! – Н-на-а, лихо не лежит тихо, либо валится, либо катится, либо по власам рассыпается... – ...И **завались** сохатый в берлогу! – рассказывал дядя Ваня, давно уже забросивший охоту, потому как прирос к сплавному пикету. – А он, хозяин-то, и всплыл оттуда! Я тресь из левого ствола! Идет!»* [В. Астафьев. Последний поклон (1968-1991)] [НКРЯ].

Неопределенное множество предметов, передаваемое при помощи прономинализирующихся словоформ разных частей речи, можно дифференцировать в зависимости от его отношения к некоей ситуативной норме. В итоге может быть множество, а) соответствующее норме (*Материалов пока **достаточно***); б) не достигающее нормы, меньше нормы (*Хороших специалистов **мало***); в) превышающее норму, больше нормы (*Интересных книг **много***). Гибриды типа *навалом, битком, порядком* обозначают количество, превышающее ситуативную норму. Они противопоставлены группе адвербиализованных форм винительного падежа существительных *капельку, чуточку* со значением неопределенно-малого количества, не достигающего нормы.

В исследовании Н.Ю. Шведовой "Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства" [21, с. 120-124] показаны возможности разноуровневой экспликации неопределенного множества, которое включает в себя: а) собственно неопределенную множественность (*несколько раз, около сотни, не поймешь сколько* и др.); б) неопределенно-большое множество (*много, множество, уйма, хоть пруд пруди* и др.); в) неопределенно-малое множество (*мало, чуть-чуть, кот наплакал* и др.). Отметим также возможности иной интерпретации слов с семантикой

неопределенного множества, в соответствии с которой считается, что это особый подразряд неопределенно-количественных числительных, образованных вследствие нумерализации (а не прономинализации) языковых единиц разных частей речи – существительных, прилагательных, наречий, глаголов (см.: [\[4, с. 262–263; 7, с. 369, 378; 11, с. 141; 17, с. 573\]](#)).

Адвербиальной и прономинальной транспозиции в русском языке подвержена также субстантивная словоформа *местами*, используемая для неопределенной локализации объекта в виде точки. Она сближается по значению с неопределенным местоимением-наречием *кое-где*, также используемым для пространственной локализации предмета. Ср.:

(36) **Местами** блестили на солнце зеркальные пятна болотной воды [И. А. Ефремов. Бухта радужных струй (1944)] [НКРЯ] (≈ 'кое-где, в некоторых местах');

(35) Среди этой зелени прошлого года **кое-где** виднелись новые цветочки белого подснежника и лиловые, мелкие и ароматные цветочки волчьего лыка [М. Пришвин. Кладовая солнца (1945)] [НКРЯ].

3. Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о том, что существительные в форме творительного падежа единственного числа (*навалом, битком, порядком*) и множественного числа (*местами*) способны транспонироваться в определительно-количественные и обстоятельственно-пространственные наречия, а также в неопределенные местоимения-числительные. Степень адвербиализации у них неодинакова: одни из них грамматически преобразуются в наречия, не выходя за пределы семантической зоны исходных лексем, другие нарушают смысловое тождество исходных лексем, представляя не только грамматические, но и лексические омонимы. Степень и характер прономинализации адвербиализованных словоформ также различна. Образования типа *битком, порядком*, будучи ядерными наречиями, находятся лишь на первой стадии перехода в местоимения-числительные; периферийное отсубстантивное наречие *местами* эксплицирует зону ядра неопределенных местоимений-наречий.

Благодарность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Библиография

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Баудер А.Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982. 184 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
5. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-грамматичному аспекті. Київ: Наукова думка, 1988. 256 с.
6. Воротников Ю.Л. Слово и время. М.: Наука, 2003. 168 с.

7. Грамматика русского языка: В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. 719 с.
8. Зализняк Анна А. Русское разве: от предлога к вопросительной частице // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 5–11.
9. Кустова Г.И. Ментальные предикаты в метатекстовых конструкциях 2-го лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2018». Вып. 17 (24). Москва, 2018. С. 380–390.
10. Мельчук И. Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и Y-ни] и ВЗЯТЬ [и Y-нуть] // Русский язык в научном освещении. 2023. № 2. С. 9–25.
11. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971. 198 с.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 12.08.2024).
13. Норман Б.Ю. Жизнь словоформы. М.: Флинта, 2016. 216 с.
14. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 440 с.
15. Панков Ф.И. Полифункциональность лексических единиц в устной речи (на материале слова «еще») // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 434–439.
16. Пешковский А.М. Школьная и научная грамматика. Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике. М.; Петроград: Госиздат, 1923. 115 с.
17. Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
18. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
19. Тихомирова Т.С. Процесс адвербиализации творительного падежа (на материале польского языка) // Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 313–350.
20. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.
21. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
22. Шигуров В.В. Местоименно-числительный тип употребления глаголов: лексика и грамматика // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 2. С. 34–43.
23. Шигуров В.В. Наречные слова-команды в контексте интеръективации и вербализации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2007. Т. 79. № 4. С. 23–34.
24. Шигуров В.В. Прономинализация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: теория транспозиционной грамматики русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2015. 160 с.
25. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Модальность деепричастных форм глаголов в русском языке: форма, причина, предпосылки // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-26. С. 5972–5976.
26. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. Т. 3. № 1. Pp. 13–26.
27. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.
28. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
29. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. Т. 97. № 25. С. 177–191.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современный русский язык – явление сложное, неоднородное, требующее постоянного внимания и оценки. Разные уровни языка подвергаются в исследованиях тому или иному анализу. Вариатив в данном случае возможен, ибо он высвечивает объективные изменения естественной системы. Рецензируемая статья собственно и направлена на дешифровку одной из дискуссионных линий лингвистики. Как отмечается в начале труда, «актуальным для теоретической грамматики является исследование природы и функционирования механизма частеречной транспозиции». Считаю, что ориентир выбран нетривиальный, да и подход / концепция, манифестируемая в работе, имеет собственно научный ценз. Цель работы – «комплексное исследование основных линий и глубины взаимодействия транспозиционных процессов адвербиализации и прономинализации беспредложных форм творительного падежа существительных», «объект анализа – словоформы, в той или иной степени подвергшиеся транспозиции в наречия и местоимения-числительные». Четкость цели, объекта, предмета исследования определяют и выверенность логики разверстки вопроса. Вполне удачно сформирована и методологическая основа исследования, ее «составили работы отечественных и западных авторов по разным аспектам теории транспозиции, конверсии, деривации, трансформации». Работа имеет заверченный вид, ее жанровый предел ориентирован на собственно научное изыскание. Материалы, представленные к публикации, можно использовать в вузовской практике при освоении дисциплин лингвистического порядка. Стил ь данной статьи имеет приметы научного типа, термины и понятия, которые используются в тексте выверены, точны: например, «в результате исследования адвербиализации форм творительного падежа существительных без предлогов в класс наречий установлено, что данный тип транспозиции может пересекаться с прономинализацией и модалацией. В итоге образуются особые гибридные структуры, находящихся в зоне влияния разных частей речи (существительное, наречие, местоимение) и межчастеречного семантико-синтаксического разряда вводно-модал ьных единиц», или «процессы адвербиализации и прономинализации словоформ типа навалом, протекающие в семантической зоне исходной лекси ьмы навал, сопряжены, с одной стороны, с поэтапным (на разных стадиях адвербиализации) ослаблением и утратой признаков существительных, а с другой стороны, с приобретением признаков наречий и – при местоименно-числительном употреблении – местоимений-числительных» и т.д. Примеров, иллюстрирующих анализируемые процессы, достаточно: «(7) Рассказ можно написать о чем угодно. Сюжетов навалом. Возьмем любую профессию [С. Довлатов. Заповедник (1983)] [НКРЯ]; На Нижнем Амуре, где осетров и калуги навалом, в каждой деревушке давным-давно существовали подпольные цеха, они готовили отменную икру... [Л. Наумова. Последняя книга писателя // «Дальний Восток», 2019] [НКРЯ]; Старое советское выбрасывали, покупали все импортное... «Челноки» тут же всего навезли: чайники, телефоны, мебель... холодильники... Откуда-то всего появилось навалом [С. Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013] [НКРЯ]», или «(22) Холодным вьюжным вечером после утомительного перехода полк остановился здесь отдохнуть и хоть как-то обогреться. Бойцы битком набились в уцелевшие избы [В. Тыцких. Через три войны // «Дальний Восток», 2019][НКРЯ]; А он снимает фильмы, на премьер ьх залы битком, поздравления, хвалебные статьи [А. Найман. Колыбель (2012) // «Октябрь», 2013][НКРЯ]; В Новом Летнем театре с неслыханным успехом идут гастроли Ф. Шаляпина. Зал всегда набит битком. Певец поражает слушателей мощью

голоса и артистизмом [В. Аксенов. Любовь к электричеству (1969)] [НКРЯ] и т.д. Общие требования издания учтены, целевая составляющая исследования достигнута, но, и новые работы смежной направленности, могут продолжить ряд тезисов / позиций. Выводы по тексту созвучны основному блоку, противоречия не выявлены: «проведенное исследование свидетельствует о том, что существительные в форме творительного падежа единственного числа (навалом, битком, порядком) и множественного числа (местами) способны транспонироваться в определительно-количественные и обстоятельственно-пространственные наречия, а также в неопределенные местоимения-числительные. Степень адвербиализации у них неодинакова: одни из них грамматически преобразуются в наречия, не выходя за пределы семантической зоны исходных лексем, другие нарушают смысловое тождество исходных лексем, представляя не только грамматические, но и лексические омонимы». Список источников объемён, жанрово разнообразен. Считаю, что статья «Творительный падеж существительных сквозь призму адвербиализации и прономинализации» может быть допущена к публикации в журнале «Филология: научные исследования».